

«ПОКА ТЫ ЕСТЬ, ДЫШИТСЯ НАМНОГО ЛЕГЧЕ ОЧЕНЬ МНОГИМ»

ПИСЬМО П. Г. АНТОКОЛЬСКОГО К О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ

(Публикация Н. А. Прозоровой)

По воспоминаниям А. И. Павловского, из всех современников и писателей Ольга Берггольц «сильнее других любила А. Твардовского, П. Антокольского и М. Светлова, во всяком случае, чаще, охотнее, улыбочивее и подробнее о них говорила». ¹ Антокольский был одним из первых в списке лиц, приглашенных ею на юбилей 29 мая 1970 г. Вспоминая о том, как чествовали поэтессу, Л. Левин писал: «Прочитав стихи, посвященные Ольге, П. Антокольский опустил на колени и поцеловал край ее платья. Ольга помогла ему подняться и поцеловала листок со стихами, который он ей вручил». ² Потом включили старую магнитофонную запись. «Мы услышали глухой, доносившийся из самых недр блокады голос Ольги, — вспоминал Левин, — читавшей свои знаменитые строки: „Ленинград в декабре, Ленинград в декабре! О, как стаян стонут на темной заре...“.

Когда пленка кончилась, Антокольский со слезами на глазах вскочил с места и энергичным жестом поднял зал. Все встали. Раздалась громовая овация». ³

Симпатия, возникшая еще во время войны, прочно связала поэтов, и они всегда были готовы «перекликнуться» друг с другом стихами или просто добрым словом. ⁴ В архиве Берггольц (ф. 870), хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, сохранились две дарительные надписи Павла Григорьевича Антокольского поэтессе. На обороте

¹ Павловский А. И. Голос // Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 170.

² Левин Л. Жестокий расцвет // Там же. С. 87.

³ Там же. С. 88.

⁴ См., например, шуточные стихи, написанные Антокольским на салфетке в московском ресторане: «Ах, Ольга, Ольга, Ольга, / Нас закрутил военный вихрь! / Я, Антоколька, только долька / Среди поклонников твоих...» (цит. по Банк Н. У третьего ключа: Павел Антокольский в жизни, стихах и письмах // Звезда. 1983. № 8. С. 167); статью его «Переключка с любимым поэтом» (Работница. 1969. № 4. С. 25); воспоминания и стихотворение «Ольге Берггольц» в кн.: Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 185—190.

титulyного листа своей книги «Высокое напряжение. Стихотворения: 1960—1962» (М., 1962) с присущей ему «пылкой отзывчивостью» он написал: «Олечке, Ольге, твой навсегда, до такой степени, что нет слов — твой, твой, твой! [Подпись: Павел.] 25 / XII62».⁵ Другая авторская надпись была сделана на титуле книги «Повесть временных лет: Поэмы и стихотворения» (М., 1969): «Ольге Бергольц (*так!*) с давнишним восхищеньем, с глубокой нежностью. П. 15 январь 70».⁶ В книгу было вложено письмо Антокольского к Ольге Федоровне, написанное им накануне — 14 янв. Мария Федоровна Бергольц, навещавшая Антокольского в Москве, передала затем сестре его книгу и письмо.

Публикуемое письмо Антокольского — еще одно выражение преданности и поддержки Ольге Бергольц. Но в нем звучат и гражданские ноты: из контекста ясно, что поэтов тревожили общественно-литературные события конца 1969 и начала 1970-х гг. Имя А. И. Солженицына, исключенного из Союза советских писателей в ноябре 1969 г., в письме только названо, но трагедия поколения, *бессильного* что-либо изменить, обозначена вполне отчетливо.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в фонде 870 О. Ф. Бергольц; подчеркнутые в тексте слова выделены курсивом; написание в автографе местоимения «Ты» с прописной буквы сохранено при печати.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 870 (фонд находится в предварительной научно-технической обработке).

⁶ Там же.

* *
*

Милая Оля! В первый раз в жизни пишу Тебе.¹ Почему так пришлось, сейчас объясню. Только что ко мне пришла — неожиданно — твоя сестра, Маша:² поделиться разными тревогами, общими для всех нас по нынешним временам, тут и Солженицын,³ и многое еще в том же ряду. Много было разговора о Тебе — и это естественно. И я хочу сказать только одно: как хорошо понимаю Тебя, твое отчаяние, твою усталость, твое нежелание, неумение что-либо предпринять решительное. Ты права бесконечно. Все мы находимся в одном проклятом кругу, и он называется *бессильем*. Иначе не скажешь. Писать письма? Сколько было их написано — и все были как письма в бутылках, брошенных в океан. Заявлять о своем несогласии? А кто нас услышит? Сейчас дело дошло до той последней крайней точки, когда любое действие оборачивается своим собственным противодействием. И опускаются руки, и главное: нет настоящей охоты, нет азарта, нет чувства нужды в твоём голосе.

Милая Оля, я много раз уже публично говорил о своей любви к Тебе — любви преданной и проверенной годами. В этом письме говорю о ней с глазу на глаз, без публичности. Говорю о том, как Ты дорога очень многим людям на этом свете. Дорога вне зависимости от того, какая Ты сегодня или завтра. Это было, есть и будет уже навсегда. Мне слишком много лет, чтобы я и мог в чем-нибудь ошибаться, обманываться, преувеличивать. Твое дело, дело твоей поэзии, жизни и судьбы прочно и навечно. Разумеется, я не жду, что Ты что-нибудь ответишь на мое письмо. Да и нужно ли? Весь этот разговор, как у Тургенева между горой Юнгфрау и еще какой-то альпийской,⁴ т. е. он идет на такой высокой волне, когда ответ либо подразумевается, либо звучит через тысячу лет. Так что прими мое стариковское признание в любви как должное и как недолжное одновременно. И если мне придется быть в Ленинграде (это случится), я все-таки осмелею, позвоню Тебе и явлюсь на Черную речку без твоего разрешения и ни к чему не готовясь, разве только раздобуду какие-нибудь цветочки или красное вино.

До свидания, дорогая женщина, ради Бога — живи! Пока Ты есть, дышится намного легче очень многим. Поверь: я знаю, о чем

говору. Дай Бог Тебе бодрости и силы. Но их не занимать стать таким как Ты.

Низко тебе кланяюсь.

П. Антокольский

14 января 70

На конверте: Ленинград. П-183. набер. Черной речки, 20, кв. 57. Ольге Федоровне Берггольц (*так!*).

Обратный адрес: Москва, Г-34 П. Антокольскому, улица Щукина, 8 а, кв. 38.

На обороте конверта — пояснительная запись рукой неустановленного лица: «Письмо было вложено в книгу Антокольского с дарственной надписью».

¹ В РГАЛИ в ф. 2888 имеется еще восемь писем Антокольского к О. Берггольц за 1948—1969 гг. (фонд Берггольц в РГАЛИ был надолго закрыт для исследователей по просьбе наследников).

² *Берггольц Мария Федоровна* (1912—2003) — актриса, родная сестра, хранительница архива и публикатор творчества Ольги Берггольц.

³ *Солженицын Александр Исаевич* (1918—2008) — писатель, публицист, историк, общественный деятель.

⁴ Имеется в виду тургеневское стихотворение в прозе «Разговор» (1878), в котором беседуют две альпийские горы — Юнгфрау и Финстерааргорн. Беседа ведется на такой высоте, на какой «еще не бывало человеческой ноги».